

ФГБОУ ВО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Направление подготовки (бакалавриат): 47.03.01. «Философия»

КУРСОВАЯ РАБОТА

на тему:

Феномен ориентализма в российском социокультурном опыте.

Студент:

Статенков Артём Денисович

3 курса философского факультета

Научный руководитель:

Кандидат политических наук

Шарова Вероника Леонтьевна

МОСКВА 2020

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Ориентализм: сущность явления и подходы к его исследованию.....	7
Глава 2. Ориенталистские практики в контексте русской культурной и литературной традиции.....	20
Заключение.....	33
Список использованной литературы.....	34

Введение

Актуальность исследования: В последнее время в гуманитарных науках большое развитие получила постколониальная теория, в рамках которой предпринимается попытка анализа и критики практик ориентализма и, как следствие, экзотизации, мистификации и дискриминации образа Другого. Одним из самых известных исследований по данной теме является работа Э. Саида «Ориентализм» (1978), которая создала определенную оптику для анализа данной проблемы в современных исследованиях. В отечественном научном дискурсе основным текстом по данной теме является книга А. Эткинды «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2013), которая отчасти переносит западную методологию на отечественную почву. Важность подобных исследований состоит в том, что они концентрируют свое внимание не на определенных событийных рамках того или иного исторического периода, но показывают как плавность течения исторического времени, так его прерывность, тем самым, стараясь проникнуть в суть процессов, рассмотреть причину их возникновения. Таким образом, данное исследование ставит перед собой задачу показать и в какой-то мере объяснить конкретные структуры и практики во многом безотносительно к исторически результирующему событию: «Иначе говоря, цивилизации выживают в контексте...идеологических волнений, которые скрыто, но иногда мощно управляют ими. Французская революция не оборвала полностью существование французской цивилизации, а Революция 1917 года — русской цивилизации...»¹.

¹ Бродель Ф. Очерки истории/ Пер. с фр. Э. Орловой. — 3-е изд. — М.: Академический проект, 2018. С. 213.

Подобный метод постановки вопросов может обеспечить выход к новым горизонтам исследования как отдельных интеллектуальных нарративов отечественной мысли, так и структур большой длительности: «разместить французскую цивилизацию в европейских рамках; с другой — разобрать эту Францию на отдельные Франции...»². Данное исследование имеет под собой сходную цель анализа как глобального колониального метанарратива русской истории, так и отдельных более скоротечных нарративов, которые однако могут иметь даже большее влияние на формирование субъективности.

Степень изученности проблемы: Проблема ориентализма делает большой акцент на характеристике функционирования политических институтов и социальных структур. Данный вопрос находит свое отражение в концепциях Ф. Броделя, М. Фуко, А. Грамши и Л. Пратт. Идеи вышеуказанных авторов, в частности вошли в основу исследований Э. Саида и А. Эткинда, посвященных вопросам колониализма в контексте функционирования языка/речи, как воли к знанию. Таким образом, в них анализируется как глубинные основания цивилизаций, так и дискретные явления, формирующие прерывность исторического времени.

Объект исследования: Феномен внутреннего ориентализма в России. Феномен внутренней колонизации в России.

Предмет исследования: Практики ориентализма в отечественном интеллектуальном дискурсе XVIII-XX вв.

Цель исследования: Определить возможности возникновения различных вариаций субъективности, в частности ориентальной, как стратегии мышления.

Задачи исследования: Рассмотреть категорию структуры как элемент большой длительности. Проанализировать феномен текста как элемента дискурса, представляющий феномен рассеивания субъекта и, таким образом, рассмотреть прерывность исторического времени. Совмещая различные формы

² Бродель Ф. Очерки истории. С. 205.

длительности, провести анализ соприсутствия различных практик, игр истины, воли к знанию в пространстве контактной зоны, которые осуществляются как в некоей топичности, так и в экспансионистском характере.

Научная новизна работы заключается в пересмотре оптики рассмотрения практик ориентализма как в методологическом, так и сущностном аспектах. В работе предпринята попытка рассмотрения пространства контактной зоны не только в ее внешних проявлениях (текст, образование), но и внутренних (хронотоп, идиллия). Осуществляется введение категории героя контактной зоны как концепта, позволяющего рассмотреть различные практики относительно идеи перформативной субъективности в контексте колониальных отношений.

Методология исследования: Методологической основой данной работы послужила концепция внутренней колонизации, которая позволяет взглянуть на отечественный исторический процесс с иного ракурса, предлагая для этого несколько оптик: соединение литературных и исторических источников для более объемного рассмотрения дискурсивного поля высказываний; понимание сущности власти как дисциплинарной, в частности воспроизводящей некоторое пространство для возникновения знания: «В русской культуре Российская империя одновременно искала инструмент управления и боялась ее как орудия революции. Культура была и экраном, на котором находящееся в опасности общество видело себя, и уникальным органом самосознания, обратной связи, предупреждения и скорби»³. В исследовании А. Эткинда также была произведена корректировка функционирования колониализма с морского аспекта на континентальный и как следствие переопределение феномена колонизации в качестве инструмента внутренней политики. Для его анализа необходимо выявить языковое/символическое структурирование социального пространства для чего, как уже было указано, необходимо обращение к различным текстам. Лингвистический поворот в философии XX века обеспечил

³ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 12.

широкую исследовательскую базу по данным вопросам. В частности этот вопрос активно рассматривался в структуралистской мысли, в частности в концепциях репрессивной власти Л. Альтюссера, а также модели функционирования знания М. Фуко. Феномены прерывности и дисциплинарности в России мы видим в смене интеллектуальной парадигмы, произошедшей в XVIII в. Появление целого ряда новых типов субъективности в контексте властных и культурных отношений, что проявилось в конструировании таких символических и реальных общественных структур как: община, сословность и ее мифология. Один из ее элементов — дворянская усадьба, управление которыми осуществлялось с помощью нового административного аппарата, в частности институтов непрямого правления. Анализ практик относительно данных структур был осуществлен и в символической форме текста/литературного текста. Следование же во многом европейским нарративам, в том числе просвещения, во многом обусловило появление в данной интеллектуальной практике дихотомии Человека из Народа Человека Культуры в его различных проявлениях.

Глава 1. Ориентализм: сущность явления и подходы к его исследованию.

В 1978 году вышла книга Э. Саида, посвященная феномену ориентализма, как инструмента отношений между Западом и Востоком, однако в их определено одностороннем порядке, так как понятие Востока в его культурном отношении (Orient), по мнению Саида, полностью сконструировано в западном дискурсе, и именно в это понятие вмещалось все самое экзотичное, не представимое на западной почве. Стоит также сказать о том, что данное предприятие осуществлялось не только опосредованно через различные культурные образования, но и непосредственно через колониальный стиль управления с присущим ему бюрократическим аппаратом [Саид Э. Ориентализм. 2005. С. 7]. Соединяясь, эти элементы эпистемологического представления Востока представляют собой единый пласт возможных высказываний, так или иначе структурирующих ориентальный дискурс. В данном аспекте Саид пользуется метод М. Фуко: «Описание дискурсивных событий ставит перед нами иной вопрос: почему такие высказывания возникают именно здесь, а не где-либо еще?»⁴. Подобные ориентальные практики представляют собой феномен рассеивания субъективности, открывающих различные серии практик самости, формирующие правила легитимности и локальности знания/субъективности. Выделяя одно из условий образования ориентального дискурса, можно говорить о морском характере колониального правления, который сделал возможным именно такое высказывание о востоке, сформированное как в академическом, так и политическом дискурсах Европы, при этом Саид в своем исследовании не отделяет интересы данных групп друг от друга. Обращаясь же к исследованию А. Эткинды, мы можем выделить и отличить российский континентальный градиент, который и составляет суть внутренней колонизации. В целом механизмы управления в морских и континентальных империях были схожи:

⁴ Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 16

дисциплинарная власть, не прямое правление, культурная гегемония, однако феномен внутренней колонизации обеспечивал теснейший контакт субъектов данных практик, а также историю, «в которой государство колонизовало народы, включая и тот народ, который дал этому государству его загадочное название»⁵. Подобная ситуация соответствия и соприсутствия субъекта и объекта колонизации, один из которых пытается сконструировать знание для управления и формирования субъективности как у номинальных колонизаторов, так и колонизируемых, оформлено в экономических, политических и культурных практиках имперской истории, которые будут рассмотрены в рамках интердискурсивного подхода, вмещающих в себя исторический, литературный и колонизационный дискурсы, в каждом из которых формируется собственная уникальная топика, однако имеющая основание рассматриваться в схожей оптике. Одним из примеров превращения практик внутренней колонизации в письмо является формула рассмотрения отечественной истории Василием Ключевским: «История России есть история страны, которая колонизируется... То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней... колонизация страны была основным фактом нашей истории» и что привычные периоды российской истории — на деле «главные моменты колонизации»⁶. Таким образом, феномен колонизации связывается с глубинными структурами русской цивилизации как экономическими, так и ментальными, формирующимися под влиянием постоянных исходов. Данный подход подразумевает обращение к структуралистской концепции французского историка Ф. Броделя, на которого ссылается и сам А. Эткинд: «я выхожу за пределы культурной истории и обращаюсь к политической экономии, чтобы понять Российское государство в его длинной истории, *longue duree*...»⁷, однако это не означает установления или даже поиска некоторого инварианта исторических событий, но анализ повторяющийся практик. Использованное Эткиндром выражение «большая

⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 9

⁶ Ключевский В. Курс русской истории. М. 1956. С. 31-32

⁷ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 20-21

длительность» отражает метод рассмотрения истории в аспекте различной темпоральности составляющих ее элементов: «Отметим не существует социального времени с единым и простым течением, но социальные времена с тысячью ускорений и замедлений, которые не имеют ничего общего со временами газетных хроник и традиционной истории. Я верю в реальность длительной истории цивилизаций в их глубинности, в их структурных и географических характеристиках»⁸. Бродель, таким образом производит критику событийной концепции истории, а также той, что исходит из позитивной и прогрессивной модели, ведь именно при таком рассмотрении можно соединить между собой любые единичные события. Действительным же проявлением исторического времени служит структура: она «несомненно представляет собой конструкцию, строение, но также и реальность, мало затрагиваемую временем и воспроизводящуюся в течение длительного времени»⁹.

Таким образом посредством дифференцирования временной длительности мы можем проследить развитие и функционирование тех или иных структур, а следовательно и событий, раскрывая тем самым суть понятия цивилизации, как сверхдолговременной структуры. Относительно нашего исследования действие структур может выражаться в повторяемости практик крепостного быта, воспроизводства светской культуры на всей территории России посредством создания постоянных топосов: дворянская поместье, община, образовательные учреждения, что в соединении с сословной политикой, схожей с кастовой, обеспечивало в частности воспроизводство культурной экспансии в повседневном аспекте, как выразился бы Бродель — молчаливой истории. Отражение данных явлений исследователь может найти в языковой системе, в частности в текстах той или иной эпохи. При этом феномен текста может быть рассмотрен с нескольких взаимодополняющих друг друга позиций: структуры

⁸ Бродель Ф. Очерки истории. С. 18-19.

⁹ Там же. С. 36-37

большой длительности и Пушкин как металитература; знание и субъективность героя контактной зоны.

Таким образом, А. Эткинд в своем исследовании вступает, если можно так выразиться, в игру установления истины/рациональности, так с одной стороны он рассматривает колониальный метанарратив в контексте общеевропейской логики прогресса, однако с другой — стратегии сопротивления/субъективности в пространстве русской культуры, следуя, таким образом, стратегии анализировать «конкретные рациональности, а не постоянно ссылаться на общий прогресс рациональности»¹⁰.

Для начала стоит очертить понятия языка, текста и их статус в современной эпистеме. Было бы несправедливо говорить о том, что текст — изобретение современной эпохи, но можно говорить, что в каждую эпоху он строится по различным правилам, отражающих не позитивность или же какую-либо мистическую сущность, что в частности критикуется Броделем: «Все, что подразумевается в этой эмоционально окрашенной книге под именем западной культуры, — по определению мистическая сущность, душа. Отсюда такие ритуальные утверждения: «культура рождается в момент, когда просыпается великая душа...культура умирает, когда душа реализует всю совокупность своих возможностей»¹¹. Таким образом, производится критика цивилизационной концепции О. Шпенглера, которая подводит собранные события под некий результирующий момент исторического времени; по схожему же признаку отвергаются модели Вико, Маркса. Взамен этого предлагается изучать серийность режимов использования языка/знания в их различной темпоральности без относительно к идеи прогресса. Одним из первых, кто очертил данную проблему, стал М. Фуко, который в своей работе «Слова и вещи» выявляет априорные принципы существования знаков/языка в той или иной парадигме знания: «Знание XVII и XVIII веков в своих скрытых

¹⁰ Фуко М. Субъект и власть. // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. — С. 165.

¹¹ Бродель Ф. Очерки истории. С. 120.

формах является дискурсией, прикрытой завесой. Самой изначальной сущностью науки является ее вхождение в систему словесных связей, а сущностью языка — с его первого слова — быть познанием... Позднее, в XIX веке, эта связь исчезнет, а перед лицом замкнутого на себе самом знания останется чистый язык, ставший в своем бытии и в своей функции загадочным,— нечто такое, что начиная с этого времени называется Литературой»¹². В данной оптике язык представляется отдельной реальностью, в которой конструируются различные локальные по своей модальности субъективности.

Этот проект будет продолжен Фуко в несколько ином виде в позднем периоде его деятельности в таких направлениях, как техники самости и техники интерпретации, которые показывают процесс утверждения субъективности в той или иной культуре. Данный вопрос получает весьма интересное преломление в контексте вышеуказанного состояния языка в современную эпоху, в которую не приходится говорить о тотальности исторического времени или же о цельности субъекта. Пересмотр методологии Фуко начинается с понятия дискурса: «Дискурс, таким образом, понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности. Дискурс — это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест»¹³. Так дискурсы внутренней колонизации и ориентализма, хоть и будут рассмотрены как смежные, все же имеют не одинаковую длительность. Так практики ориентализма формируются в контексте Петровской модернизации, и в этом случае анализ крупных, неподвижных структур как материальных, так и ментальных не сможет описать феномен возникновения новой субъективности, системы топосов и сопутствующей им легитимности.

¹² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., Прогресс, 1977. С. 122.

¹³ Фуко М. Археология знания. 2004. С. 35.

В работе М. Фуко «Порядок дискурса» мы можем обнаружить формулировку новой исследовательской программы: «Речь, конечно же, не идёт ни о последовательности моментов времени, ни о множественности различных мыслящих субъектов, — речь идёт о цезурах, которые разламывают мгновение и рассеивают субъекта на множество возможных позиций и функций»¹⁴. Именно с этой позиции может быть подвергнут критике проект Просвещения, как пример нарратива, нагруженного мифологическим ареолом, который в свою очередь поддерживается собственной языковой системой в ее недвижимом аспекте длинной истории. Применительно к данному исследованию существует несколько как бы априори рассматриваемых нарративов: 1) прогрессистский проект Петра I как выражение общечеловеческого развития на русской почве; 2) репрессивный, самонадеянный, антинародный имперский проект. Соединяя эти две повествовательные линии, в то же время представляется возможным подвергнуть их критике, то есть выявить серийные или же рассеянные локальные проявления субъективности внутри того или иного дискурса.

Если мы рассматриваем Петровский проект как часть классической эпохи, то важно отметить денотативный характер научного дискурса, что отмечает в своей работе «Состояние постмодерна» Ж.Ф. Лиотара [Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 63]. Впрочем, говоря о русской истории, стоит отметить резкий переход от мифа («акцент делается не на ударение — эмфатическое выделение смысловых моментов, а на метр — ритмический аспект истории, как в и игре на бубнах или барабанае, благодаря чему миф никогда не становится воспоминанием о прошлом, а всегда остается актуально проживаемым действием»¹⁵) к нарративным повествованиям (Просвещение, освобождение народа, беспочвенность интеллигенции). Метанарратив по

¹⁴ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Составитель и переводчик: С. В. Табачникова. — М., 1996. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 09.04.2007. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 30.05.2020).

¹⁵ Подорога Б. В. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000056-3-1/> (дата обращения: 30.05.2020). DOI: 10.18254/S0000056-3-1

Лиотару характеризуется не поисками объективной истины, а ее конструированием. Пример подобной игры истины – Татищевская истории России, в которой автор попытался сопоставить родословные славян и норманов, их добровольное соединение в едином государстве. Переопределение варягов в качестве норманнов должно было сформировать генеалогию русской европейскости, а также прогрессистский характер отечественной истории (А. Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2014. С.72). Нам, таким образом, важно проследить подобные феномены установления субъективности, так Дж. Батлер (при рассмотрении концепций Фуко/Альтюссера) указывает на возможность осуществления перформативного акта относительно подавляющего языка (Дж. Батлер. От пародии к политике. Спб., 2001). В понимании Р. Барта: возможность результативного текстуального действия против тотальности языкового присутствия. Данные модели в той или иной степени связаны с аспектом результативности, рассматриваемого в статье Б. Подороги, посвященной концепции Лиотара, который выявляет весьма интересный парадокс в его теории, связанный с понятием результативности: «Лиотар столь радикально выступает против метанарративов именно потому, что они, с его точки зрения, выражают тенденцию к упрощению, пытаясь редуцировать дифференцированную реальность к простым одномерным формам. Но тут необходимо четко понимать, что эта космологическая эмансипации и классический нарратив об освобождении выражает одну и концептуальную траекторию. А это означает, что Лиотар не только не преодолел, но скорее подвел новое, теперь уже не политическое, а онтологическое основание для исходного проекта Просвещения»¹⁶.

Таким образом, можно воспроизвести несколько иное рассмотрение сущности перформативного акта, в частности относительно феноменов

¹⁶ Подорога Б. В. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000056-3-1/> (дата обращения: 30.05.2020). DOI: 10.18254/S0000056-3-1

ориентализма и колониализма, утверждая не репрессивный характер такого знания, но лишь волю к его обретению. Данный вопрос снова может рассмотрен в виде дихотомии более менее непрерывного нарратива и постоянного стремления к обретению истины относительно конкретного места дискурса. Последний лучше всего проясняется в контексте теории власти М. Фуко, которая не представляется изначально готовой идеологической структурой, а некоторым процессом наделения конкретных мест в сети общественных отношений необходимой правомерностью, легитимностью, представления о которых формируются в процессе сбора информации: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах... На самом деле власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины»¹⁷. И даже здесь мы встречаемся с раздвоением еще не означенного и уже собранной информации, отдельного субъекта/объекта и их серийности. В свою очередь постоянное воспроизведение имперского нарратива в русской литературе может быть рассмотрено в свете нескольких понятий: контактная зона, текст, интеллигент, герой контактной зоны. Как уже было сказано: новый интеллектуальный проект может быть рассмотрен в качестве перформативности, игр истины, однако не менее важным подходом представляется структуралистская концепция относительно языка/субъекта. В концепции Л. Альтюссера действие идеологии рассматривается в аспекте ее материальности относительно цельного субъекта, который формируется и действует в рамках определённой идеологической позиции. В своей концепции Альтюссер уделяет внимание как воспроизведению идеологии в ее материальности, так и ее отношению к индивиду, который подвергается с ее стороны немедленному означению. Образование субъекта, таким образом, происходит посредством множества репрессивных практик, существующих внутри идеологического аппарата государства, при этом сильнее всего действуя из частного сектора.

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 237.

Подобная идея подвергается весьма интересной интерпретации со стороны Дж. Батлер, в которой она разворачивает критику модели пассивной субъективности. Для Батлер, действующей в рамках Фукианской традиции, важен сам процесс формирования субъективности, утверждение его локального характера. Поэтому для нее важно в процессе расщепления концепции Альтюссера показать некую двойственность в определении сущности субъекта, которая для французского философа заключается в том, что: «что категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии, но в то же время надо отметить, что категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии только потому, что (определяющая) функция всякой идеологии – «конституировать» конкретных индивидуумов в субъектов»¹⁸, однако Батлер в пытается разобрать на отдельные процесс интерпеляции: «вначале предполагается виновность будущего «субъекта», затем он испытывается и декларируется невинным. Поскольку эта декларация не единичный акт, но статус, непрерывно воспроизводящийся, стать субъектом означает постоянно находиться в процессе оправдания себя в ответ на приписывание вины»¹⁹.

Для повторяющийся характер подобной практики скорее означает модель серийных перформативных актов, как некоторую возможность иного высказывания. Так Батлер выделяет у Альтюссера выражение «Быть плохим», что означает наличие у субъекта ранее заявленного как целого, некоего иного измерения, также и с логической стороны теория Альтюссера не выглядит неоспоримой, так как для неозначенного индивида зазор фактически не существует: «Выходит, этот допускающий и соглашающийся субъект предшествует «вхождению» в символическое и обуславливает его – а также, следовательно, становление субъектом»²⁰. Для нас интерес представляет прежде всего рассмотрение символических хронотопов и топосов в качестве репрезентации общественных отношений в их многочисленных вариациях.

¹⁸ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения 30.05.2020).

¹⁹ Дж. Батлер. «Совесть сотворяет субъектов из всех нас». Подчинение у Альтюссера. Психика власти: теории субъекции. Пер. Завена Баблюяна Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. - 2002. С. 101.

²⁰ Там же С. 106.

Подобный подход имеет в данном исследовании несколько возможных стратегий репрезентации: первая подразумевает структуралистский подход к рассмотрению знаковой системы как устойчивой структуры, а также анализ ее длительности относительно иных структуры в их различной темпоральности. Так Ф. Бродель, раскрывая собственный метод, ссылается на исследование своего коллеги Л. Февра «Рабле и проблема неверия в XVI веке, посвященном ментальному инструментарию французской мысли в эпоху Рабле...»²¹.

В отечественном литературном (литературоведческом) дискурсе подобная проблематика рассматривается относительно творчества Пушкина и в частности его романа «Евгений Онегин», который был назван В. Белинским «энциклопедией русской жизни», в свою очередь современные отечественные исследователи Пушкинского творчества Н. Скатов и В. Непомнящий выражали следующие мнения о романе Евгений Онегин: «...весь роман есть идеальная формула русской жизни»²²; «Творчество Пушкина - металитература; типология, которая в нем содержится, есть типология бытийственная (включающая в себя также и искусство); роль его сверхлитературная. Предназначение его состояло не в том, чтобы определить и предугадать стили, формы и методы, а в том, чтобы предвосхитить и создать большой стиль русской литературы как нравственного подвига, обличённого в слово»²³. Таким образом, делается попытка обобщить, сделать в сущности неизменными, недвижимым значение символического, что однако было поставлено под вопрос во второй половине XIX в. и соответственно переосмыслено новой русской интеллигенцией.

Перед непосредственным обращением к нарративным сюжетам русской истории и литературы нам стоит ввести понятие контактной зоны, предложенное на основе идеи транскультурации Л. Пратт и применяемое прежде всего по отношению к колониальной ситуации, что может оказаться особенно продуктивным в континентальном преломлении колониализма: контакта внутренних Востока и Запада, русских сословий и общины. Именно

²¹ Бродель Ф. Очерки истории. С. 37.

²² Скатов Н. «Пушкин. Очерк жизни и творчества». Л.: Дет. лит., 1990. С. 183

²³ Непомнящий В.С. «Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине». М.: Сов. Писатель, 1983. С. 319.

такие встречи рассматриваются Пратт как: «контактная зона» - это попытка описать пространственное и временное сосуществование субъектов, ранее разделенных географическими и историческими структурами, и чьи траектории теперь пересекаются...Перспектива подобных областей заостряет внимание на том, как субъекты конституируются в своих отношениях друг с другом. Это помогает нам рассматривать отношения между колонизаторами и колонизированными, но не в терминах обособленности или апартеида, а в терминах соприсутствия, взаимодействия, взаимопроникновения понимания и практики, зачастую в рамках радикально асимметричных отношений применения инструментов власти»²⁴.

Таким образом понятие идеологического аппарата государства, которое Альтюссер относит в частности и к произведениям искусства, отчасти заимствуя эту идею у А. Грамши, заменяется понятием контактной зоны. В свою очередь А. Эткинд, который также использует в своем исследовании концепцию культурной гегемонии, определяет русскую прозу как пространство контакта между носителями различного социокультурного опыта, и в данном случае важными атрибутами текста становятся понятия хронотопа и идиллии, с помощью которых нам представляются не только межсословные конфликты, но и отношения между мужчиной и женщиной, так как именно в этих парах можно выявить колониальный и ориентальный феномены. Однако контактная зона это не только пространство репрезентации отношений, но и определенная практика, так, например, образование на протяжении XIX в. становилось все более общей практикой в жизни как дворян, так и женщин из дворянского сословия, но также и среди разночинства и купечества. Однако несмотря на постепенную экспансию светской культуры, доступ к ней оказывался не столь открыт, чего, возможно, и добивались императорские идеологи, поддерживая на плаву сословную мифологию. Предполагалось, что на это должен был работать и новый тип русского интеллектуала, однако континентальный градиент в какой-то мере определил скорое выявление образа Другого, который

²⁴ Pratt M. L. *Travel Writing and Transculturation*. New York: Routledge, 1992. P. 6-7.

достаточно быстро стал нравственным ориентиром или по крайней мере некоторой мистическим сущностью. Непрерывные попытки в течении XVIII-XIX вв. выстроить выстроить ментальность дворянского интеллектуала, что, естественно, может пониматься как попытки конструирования той или иной субъективности, в рамках дисциплинарности формировавшихся нарративов. Для раскрытия данной темы Эткинд сопоставляет положение Человека Культуры и субалтерна в русской литературе: «В России субалтерном был народ, а за него говорили все, хором и вразнобой: писатели, ученые, чиновники, священники. Возникавшая российская этнография столкнулась в XIX веке с тем же парадоксом, который историки отметили в Индии XX века. На этом фоне поразителен успех русской литературы как самого успешного института культурной гегемонии империи. Исполняя свою функцию — дать многоязычным подданным, рассеянными на огромной территории, единый запас культурных символов, — литература все сильнее критиковала другие имперские институты...За три столетия русская литература создала великую сагу политического инакомыслия и доказательство трансформирующей силы культуры....На много голосов их авторы говорили за себя и, одновременно, за субалтернов с их молчанием, страданиями, жертвами. Эти авторы оказались способны к такой сложной, полифонической речи — великому памятнику человеческой солидарности — потому, что сами испытали политическое преследование в его чистом виде, не обязательно сопровождавшееся расовыми дискриминациями и экономическими бедами»²⁵. Однако здесь возникает сразу несколько проблем: ориентализация субалтерна, выражающаяся прежде всего в мистификации и идеализации (идиллия/утопия); самоориентализация в виде преувеличения различия между собой и субалтерном, как примеры: первое «философическое письмо» Чаадаева, речь героя романа И.С. Тургенева «Дым» Нежданова о его по сути этнографических отношениях с рабочими. Примером иной интеллектуальной стратегии могут служить идеи Чернышевского («Не начало ли перемены?»), которые вместе с развенчанием мифа о идиллии у

²⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 389.

Горького могут быть представлены в рамках теории об органическом интеллектуале А. Грамши в контексте формирования культурной гегемонии со стороны ранее не доминировавшего в политическом и культурном отношениях сословия. Таким образом, весьма трудно утверждать о каких-либо устойчивых ментальных структурах или же репрессивной сущности языка в аспекте идеологического означения. В связи с этим последние два варианта установления субъективности наиболее ярко показывают ее альтернативные формы в противовес доминирующим сюжетам, что в теоретическом плане ставит под вопрос идею о том, что: «Грамматика, управляющая нарративом о формировании субъекта, предполагает, что грамматическое место для субъекта уже готово»²⁶. Наиболее показательными примерами являются перформативные по своему характеру высказывания героя романа «Отцы и дети» разночинца Базарова: «В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем...Сперва нужно место расчистить...Мой дед землю пахал, - с надменной гордостью отвечал Базаров. - Спросите любого из ваших же мужиков. в ком из нас — в вас или во мне — он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете»²⁷; схожее, однако имеющее большее отношение к аспекту эмансипации, высказывание критика Добролюбова в его статье «Луч света в темном царстве», посвященной пьесе «Гроза» Островского: «Нам отрадно видеть избавление Катерины — хоть через смерть, коли нельзя иначе»²⁸. Таким образом, в обоих примерах можно видеть, что так называемый субалтерн, которого невозможно услышать, все же присутствует помимо всяких материальных идеологических практик. Другой не материален, но именно через его призму строится субъективность того или иного актора.

²⁶ Батлер Дж. «Совесть сотворяет субъектов из всех нас». Подчинение у Алютюссера. Психика власти: теории субъекции. 2002. С. 106.

²⁷ Тургенев. И.С. «Накануне. Отцы и дети». М.: Изд. Художественная литература. 1979. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0040.shtml (дата обращения: 31.05.2020).

²⁸ Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве. URL: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html> (дата обращения: 31.05.2020).

Глава 2. Ориенталистские практики в контексте русской культурной и литературной традиции.

Для непосредственного рассмотрения феноменов ориентализма и колониализма требуется очертить некоторый новый контекст рациональности, который ставит под сомнение или вовсе отрицает легитимность прежней ментальности, что стало возможным в результате Петровских преобразований, сформировавших во множестве дискурсов новые нарративы, пространства для возможных высказываний, конкретным примером чего может служить ранее упомянутая история России Татищева, которая перезапускает историческое время России. Новая столица — Санкт Петербург стала отправной точкой новой волны колонизации: «...и из этой вот математической точки, не имеющей измерения, заявляет он энергично о том, что он — есть; отсюда из этой вот математической точки несется потоком рой отпечатанной книги; несется из этой невидимой точки стремительно циркуляр»²⁹. Новая дисциплинарность, институциональное устройство пересоздали также и пространство контактной зоны. Для нас же прежде всего важен аспект интеллектуальной активности и культурной разделённости: «одни радовались, что так далеко ушли вперед; другие жалели, что вследствие далекого ухода стало невозможно вернуться назад. Но те и другие больше думали о том, что они так далеко ушли, чем спрашивали себя о том, куда пришли, и ни те, ни другие не могли отдать себе отчета в том, как совершился этот акробатический перелет. От одного склада понятий перешли к другому так порывисто и суетливо, что по пути растеряли и свои путевые впечатления и чувствовали себя в положении лунатика, который не понимает, как он попал туда...»³⁰.

²⁹ Белый А. Петербург. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 10.

³⁰ Ключевский. В.О. Два Воспитания // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков/Составитель Н.Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос", 1997. С. 367.

Основными эмпирическими методами данной работы являются анализ и герменевтика различных политических, интеллектуальных практик, в особенности такой как текст, который рассматривается как способ внешней и внутренней субъективности автора и его героев. Таким образом, мы рассмотрим множественность стратегий как относительно общего прогрессистского нарратива, так и отдельных актов самоопределения относительно понятий Запада — Востока.

Во многом, конструирование знания/субъективности требует проведения критики собственной истории, поэтому не случайно, что Фуко применительно к рассмотрению процесса субъективации отсылает нас к работе Канта «Что такое просвещение?», в которой происходит ревизия прошлого относительно субъекта конкретной исторической эпохи и его рациональности. Применительно к отечественному опыту важно выделить того, кто является субъектом данной практики: «...в XVIII — первой половине XIX века в России возникает группа — вначале единая — государственных и дворянских интеллектуалов, занимающихся идеологическим и гуманитарным производством...»³¹.

«Пушкин первый из мировых поэтов с такою силою и страстностью выразил вечную противоположность культурного и первобытного человека. Эта тема должна была сделаться одним из главных мотивов русской литературы»³², — пишет в своей работе «Пушкин» Д.С. Мережковский. В наиболее очевидном виде заявленная Мережковским тема могла бы быть проинтерпретирована в контексте связи творчества Пушкина и Гёте, который вывел своего героя на rendez-vous с современной ему культурой, цивилизацией. Однако Мережковский как-бы намекает на иной путь рассмотрения данного вопроса: «Достоевский противопоставляет культуре «гнилого Запада» вселенское

³¹ Сергеев С. Досоветская Россия (XVIII — начало XX века) // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. Под ред. В. Куренного. Серия «Мыслящая Россия». — М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 15-54.

³² Мережковский. Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 350.

призвание русского народа, великого в своей простоте. Вся проповедь Достоевского не что иное, как развитие мистических настроений Гоголя, как призыв прочь от культуры, основанной на выводах безбожной науки...»³³, таким образом, утверждается еще один нарратив русской культуры: движение от цивилизации к бунту. В свою очередь с этим связано несколько мотивов: непосредственный контакт или попытки установить контакт представителей «Петербургской» культуры и человека из народа; постепенное разворачивание антиаристократических направлений в русской литературе. Первый представляет собой попытку обретения знания, что в отечественном контексте совпадает с идеей возвращения к своим корням к тому, что было когда-то утеряно: «В конце своей жизни он задумывал поэму из народного быта — «Стенька Разин», героический образ которого давно уже преследовал и пленял его»³⁴.

В современном рассмотрении внутреннего ориентализма все также начинается с Пушкина: «Казак-старовер и романтический бунтовщик, Пугачев пугает и чарует всех, даже Гринева, в остальном верного империи»³⁵. В подтверждение того, что контактная зона — прежде всего не конкретное а место, а процесс формирования и обретения знания, конкретную локальность которого возможно установить применительно к единичным актам субъективности внутри определенной серийности разворачивания тех или иных структур: «История разыгрывается в большом имперском пространстве между Санкт-Петербургом и Оренбургом — столицей, расположенной на периферии, и далекой провинцией в географическом центре империи»³⁶. Применительно к данному тексту трудно говорить о некоторой цельной субъективности, как ее понимает М. Бахтин, скорее здесь стоит согласиться с рассуждением А. Эткинда: «Во всем тексте «Капитанской дочери» туземные обряды дарения взаимодействуют с рационализмом и правосудием имперского

³³ Там же. С. 350.

³⁴ Там же. С. 352.

³⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 359.

³⁶ Там же. С. 359-360.

государства....Пушкин пытается найти равновесие между ними...Законный конец бурной истории останавливает порочный круг насилия, символизирует восстановление гражданского мира и обещает жизнеспособность колониального порядка. Пушкинский компромисс удался: воображением поколений будут владеть и чернобородый, непостижимый Пугачев, и милосердная, справедливая императрица»³⁷. Данный пример показывает прежде всего отражение политического содержания в русском литературном дискурсе, однако в романе «Евгений Онегин», где в большей степени можно рассмотреть процесс формирования и установления субъективности не только автора, но и собственно идею героя, которая раскрывает «в диалоге разные свои грани, оттенки, возможности...живущей и действующей в большом диалоге эпохи и перекликающейся с родственными идеями других эпох»³⁸.

Э. Саид в своем исследовании также обращается к ориентальному аспекту европейской литературы: «Эта культурная, темпоральная и географическая дистанция выражалась в метафорах глубины, тайны и сексуальных посулов: выражения вроде «чадры восточной невесты», или «непостижимого Востока» вошли в обиход»³⁹ (Саид 344). Саид, опираясь на концепции А. Грамши и М. Фуко, выделяет особую роль интеллектуала в отражении политического и формировании гуманитарного знания. Текст же в свою очередь обыкновенно служит пространством для высказывания, которое хоть и бессознательно, но все же может воспроизводить некоторые идеологические клише. Их выражение заключается даже не в утверждении некоторого превосходства, но прежде всего в феномене молчания, что Г. Спивак определила как состояние субалтерна, то есть подчиненного в политическом отношении. В отечественном интеллектуальном дискурсе «субалтерном был народ, а за него говорили все, хором и вразнобой: писатели, ученые, чиновники, священники»⁴⁰, однако подобные отношения складывались скорее в русле отрицательной гегемонии,

³⁷ Там же. С. 361-362.

³⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 132.

³⁹ Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2005. С. 344.

⁴⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 307.

состоящей из попыток равноправного разговора с внутренним Востоком, техникой себя. Возвращаясь к роману «Евгений Онегин», стоит сказать о том, что его герои постоянно переходят пределы собственных ментальных состояний относительно различных культурных традиций. Треугольник героев: Ленский, Онегин, Татьяна проходят серию инициаций, обеспечивая смешения своего социокультурного опыта с Другим. Данная проблема получила свое развитие в работе Н.Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», которая была посвящена повести И.С. Тургенева «Ася». Выход к рубежу, который показывает тебе иной образ себя, что особенно характерно для ситуации говорение для и за угнетенного со стороны условного европейца. Принято считать, что тип лишнего человека берет свое существование в русской литературе именно с образов Онегина и Ленского, однако уже между ними существует противоречие и, таким образом, определить их в равной степени как лишних весьма трудно. Установить преемственность подобных героев также весьма затруднительно, так как каждый живет в свое конкретное историческое время, устанавливает собственную субъективность относительно различных социальных, культурных сфер жизни, таким образом представляется возможным провести критику понятий переходности, ментальности.

Относительно Пушкинского текста проблема отношений Востока и Запада выражается через отношения Ленского к Ольге и Онегина к Татьяне, как пересекающихся форм знания: Ленский, получивший образование за границей, не пытается разговаривать с Ольгой, скорее он ее пытается разгадать:

«Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой...».⁴¹

Нечто подобное можно видеть и по отношению к выражению образа Татьяны:

⁴¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. — М.: Издательство «Э», 2017. С. 115.

«Гатьяна верила преданьям
Простонародной старины:
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы.
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь»⁴².

Пусть данная характеристика и дана самим Пушкиным, однако вряд ли стоит сомневаться, что скучающий от всего молодой человек, увидев перед собой нечто такое, что до этого ему не встречалась, не дорисует картину жизни экзотичными красками.

Таким образом, содержание внутреннего Востока не исчерпывается абстрактным понятием народа, к которому нужно вернуться, чтобы его понять, но Восток постоянно соприсутствовал с «дееспособным» субъектом внутри любовных, семейных отношений: «А не знают они(женщины) потому, что с ними никто по-человечески не говорил. Виноваты же в этом одни мужчины, потому что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений и являются запевалами. Если выходит разладица, они же сами за это отвечают и на себя должны пенять... Мужчина приходит в столкновение с множеством разнообразных сфер; родительский дом, гимназия, университет, департамент или полк, маскарад, трактир, редакция журнала, прилавок торговой конторы -- ведь это все школы жизни; положим, что каждая из этих школ сама по себе неудовлетворительна, но зато их довольно много, и каждая из них более или менее дает материалы для критики остальных... Мужчине есть на чем развиваться; что это развитие пойдет вкривь и вкось — в этом нет почти ни малейшего сомнения; но тем не менее первобытный сон ребенка будет нарушен, придется не раз задуматься...для того чтобы одна женщина выделилась своим образом жизни из тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничем

⁴² Там же. С. 137.

не затронутых индивидуумов, необходимо соблюдение нескольких условий, которые в нашем обществе, при теперешнем складе воспитания и понятий, встречаются чрезвычайно редко»⁴³.

Примером острых столкновений в пространстве контактной зоны может служить роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», ссылаясь на идеи Эткинда/Бахтина, в которых утверждается различие Человека Культуры и Человека из Народа: первый транслирует принцип воли к знанию, истине, его действие осуществляется в рамках чужеродной для него идиллии, которая отчасти также является зоной контакта знаний: «Дворянские усадьбы и деревенские праздники, церкви и школы были «контактными зонами», местами межкультурной коммуникации и конфликта, где разворачивались рутинные драмы, свойственные колониальному порядку»; второй - ранее упомянутого субалтерна — «Человек из Народа обладает надысторическими, хоть и национальными чертами»⁴⁴, что вновь подкрепляет и подтверждает ареол мистичности относительно его образа. Ранее упомянутый концепт идиллии вмещает в себя идиллическую субъективность, введенный М. Бахтиным, он «выражается прежде всего в особом отношении времени к пространству в идиллии: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту — к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки»⁴⁵. Идиллия как некоторое пространство, включающее в себя усадьбу, вмещает в том числе и Человека Культуры - барина, как бы он при этом ни был изображён в контексте субъективации автора, примером чего служит образ помещика Негрова из романа А.И. Герцена

⁴³ Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Д.И. Писарев соч. в 4 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. Статьи и рецензии 1859-1862. С. 233-237

⁴⁴ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 356.

⁴⁵ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С.234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения 31.05.2020)

«Кто виноват?», потому как подобный герой обладает определенными присущими только ему техниками: словарь, письмо, наказание, быт, что встраивает его в идиллический порядок: «Пространство ничего не значит в империи, где социальные расстояния длиннее географических, которые тоже огромны. Там, внутри империи — в местах, подобных Парголову, — билось сердце тьмы»⁴⁶. Возвращаясь к нарративам русского романа, появляющегося прямо перед реформами 60-х гг. XIX в., а именно тип нигилиста, на котором однако также висит ярлык лишнего человека. Обращаясь же к идеи культурной гегемонии А. Грамши, стоило бы назвать Базарова явлением органической интеллигенции, которая в отдельных перформативных актах устанавливает культурную гегемонию в том числе и на образ Человек из Народа со стороны нового типа интеллектуала. Базаров, являясь перемещающимся героем контактной зоны, вступает в игру истины с традиционным содержанием рациональности, что выражается в уже упоминавшихся нами высказываниях: «Мой дед землю пахал, - с надменной гордостью отвечал Базаров. - Спросите любого из ваших же мужиков. в ком из нас - в вас или во мне - он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете»⁴⁷.

Несмотря на неудачу в любовных отношениях и скоростижную смерть Базаров не представляет собой оторванное от почвы существо, мотив практического разрушения, как представляется должен дать голос угнетенному большинству. Несмотря на критику со стороны представителей следующего отечественного интеллектуального направления, в частности Мережковского (в литературе) и Бердяева (в политике), именно различие явило собой феномен того, «как это ни парадоксально, дистанция между Востоком и Западом на протяжении XIX века сокращалась. По мере того, как коммерческие, политические и прочие экзистенциальные встречи между Востоком и Западом становились все более частым»⁴⁸ (Саид 344). Как уже было сказано реформы

⁴⁶ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С. 168.

⁴⁷ Тургенев И.С. «Накануне. Отцы и дети». М.: Изд. Художественная литература. 1979. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0040.shtml (дата обращения: 31.05.2020).

⁴⁸ Саид Э. Ориентализм. С. 344

Петра I безотносительно к их результату представили Россию в виде чистого листа, на котором с помощью различных техник начал писаться новый цивилизационный проект с собственными практиками повседневности, в частности идиллией в отношениях крепостного и помещика, которую в свою очередь и пытались сломить разночинская интеллигенция, но также и традиционные дворянские интеллектуалы, что выражалось в выписывании таких типов как: Базаров, Штольц, Верховенский, Ставрогин, Раскольников, которые весьма условно могут находиться в одном ряду, но в большей или меньшей степени к ним применима интерпретация В. Вересаева: «Происходит что-то совершенно непостижимое. Человек стоит перед «чертою». Кто-то запретил ему переступать черту. Человек свергнул того, кто запрещает, и стер черту. Казалось бы, перед человеком свободно открылся мир во всем разнообразии его возможностей. Человек может идти, куда хочет. Но не так для героев Достоевского. Переступили черту — и стоят. Им за чертою-то, может быть, делать нечего. Однако они стоят, смотрят назад и не отрывают глаз от линии бывшей черты»⁴⁹.

Таким образом, трудно говорить о какой либо устойчивой ментальности относительно интеллектуальных поисков в русской литературе, так как образы, ею выводимые, представляются весьма противоречивыми в силу множественности перформативных актов, которые совершаются в пространстве контактной зоны. В тоже время можно с уверенностью говорить о продолжающийся серии, со времени кн. Щербатова и А.Н. Радищева, традиции критических текстов относительно русского проекта просвещения.

Продолжая рассмотрение литературных текстов в контексте большой длительности, можно выделить некоторые устойчивые хронотопы, в частности хронотоп дороги: «На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей — представителей всех сословий, состояний,

⁴⁹ Вересаев В. В. Живая жизнь //Собр. соч. М.: Правда, 1961. Т. 3. С. 290.

вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы»⁵⁰. Одним из первых его проявлений в русской литературе нового времени является текст кн. Щербатова в «Путешествии в землю Офирскую», в котором перед читателем посредством хронотопа дороги предстают картины социальной экзотики, проявляя тем самым этнографический характер постпетровской литературы. Мы также можем установить весьма частое соприсутствие утопического и идиллического хронотопа: так А.И. Гончаров в романе «Обломов» изображает абсолютно экзотическую картину русской глубинки, время в ней остановилось и другой ее представить было бы невозможно, абсолютная первозданность говорит нам об ее идилличности.

Еще одним примером может служить роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», в котором утопично даже не устройство хрустального дворца, а сама удавшаяся затея производства, которая сосуществует с идиллическим устройством семейного быта, идиллию которого как главный герой, так и автор пытаются разрушить. Также стоит привести пример концентрированной социальной экзотики, наблюдаемой на протяжении пути на каторгу кн. Нехлюдова в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Также весьма примечательными в данном контексте являются тексты А. Белого «Петербург» и «Серебряный голубь»: В романах Белого у представителей как столичной администрации, так и ее культуры возникает острая проблема соотношения себя с образам Другого. В «Петербурге» это происходит относительно населения Васильевского острова, а также через метафору кареты, которая ограждает едущего в ней чиновника от окружающей, чаще всего неприглядной

⁵⁰ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С.234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения 31.05.2020)

реальности; в «Серебряном голубе» поэт-символист Дарьяльский встречается с экзотичностью сектантской сущности и оказывается ею пленен и в итоге убит. Зачастую Другой связывается с опустошающим все Востоком, когда-то ушедшим, но теперь стремительно обретающим свой вес. Своеобразную генеалогию понятий Запада и Востока в России проводит Д.С. Мережковский в романе «Петр и Алексей», рисуя первый в виде европейских философов, а второй – раскольников, замечая при этом утопичность обеих позиций, но и их одновременную близость так называемой русской душе. Подобное смешение А. Эткинд называет отрицательной гегемонией, феномен описывающий приобретение членом легитимной культуры экзотических черт (А. Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. С.372).

Переходя к политическому аспекту рассмотрения феномена субалтерна, стоит очертить ключевые понятия: сословность, община. Проблема сословности, отмеченная нами в контексте отношений Человека Культуры и Человека из Народа, представляет собой также политический инструмент структурирования общества. В статье Евгений Анисимова под названием «Культурные реформы Петра Великого» особенно подчеркивается разлом в ментальности, который мы можем определить не непосредственно в царском указе, но практиках межсословных контактов: «Раньше, до Петра, народная культура была широко распространена в русском обществе, включая и его верхи. Песельники, сказочники, шуты были вхожи в дом как боярина, так и простолюдина, царя и холопа. Общие праздники и обычаи предков равно почитались на всех уровнях, во всех стратах русского общества....культурный переворот Петра в сочетании с ужесточением крепостного права отделил элиту от народа. Да, они встречались под сводами церкви, но, что интересно, стояли отдельно»⁵¹. К этому можно добавить феномен языкового разделения и постепенное складывание исключительно дворянских топосов: усадьба, салон, балы с присущими им светскими практиками. Таким образом, создавалась

⁵¹ Анисимов Е. Культурные реформы Петра Великого // История русской культуры. Петербургский период. URL: <https://arzamas.academy/materials/1497> (дата обращения: 31.05.2020)

мифология данных практик, определенная темпоральность дворянской ментальности, которая отчасти создавалась в русской литературе, но также с помощью определенных социально-экономических методов: «Возникнув как культурный миф, община превратилась в дисциплинарный механизм, который организовал жизнь и труд людей на огромных пространствах от Атлантики до Тихого океана. Ближе к концу XIX века экономические либералы в правительстве империи стремились отменить общину, создать земельный рынок и освободить труд. На смену общинам они создали новые, межсословные институты непрямого правления — земства... Непрямое правление сегрегированными, частично автономными сообществами — пирамидой из сословий и гетто, с охраняемыми границами между ними — снижает уровень насилия, но тормозит экономический рост и прочие виды прогресса».

Для нас же в свою очередь главным представляется отсутствие реального межсословного контакта относительно политических и экономических вопросов, и, таким образом, установления интерпелляции относительно каждого отдельного индивида. Так в одном из таких проектов по созданию общенародной идеологии — Уваровской триаде, можно выявить следующие элементы культурной колонизации: «православие» в его противоречивом, конфликтном постраскольном и синодальном воплощении: «Вопрос шел о том, есть ли русское царство истинно православное царство... Народное православие разрывает с церковной иерархией и с государственной властью»⁵², «В государстве — Аракчеев; в церкви — Фотий. Казенщина государственная и казенщина церковная. За обеими — единый дух небытия, единая религия: всякая власть от Бога»⁵³; «самодержавие» — в одной формулировке которого заключается некоторое отступление от Петровского проекта, и формирование нового образа власти: «...что такое самовластие, возведенное в степень религии, как не самое сумасшедшее из всех сумасшествий... вечная война России с

⁵² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 10.

⁵³ Мережковский Д.С. Больная Россия. — М.: T8RUGRAM, 2018. С. 68.

Европой — космического зада с человеческим лицом»⁵⁴; «народность» как кажется выражается в ожидании исполнения русским народом своей особой миссии, и в этом аспекте существовал миф о молодости народа молодость народа, что формировало две возможные стратегии существования внутреннего ориентализма: первая заключается в выделении инаковости Себя: «Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании»⁵⁵; вторая — в мистическом отождествлении себя с народом: «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его, и вы в том уверитесь; вы найдете у нас часть ваши же силы, сохраненные и умноженные, вы найдете и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами. Вы найдете у нас зрелище новое и для вас доселе неразгаданное...»⁵⁶. Таким образом, подобные механизмы воли к знанию со стороны интеллектуалов от власти смешивались или даже соединялись с интеллектуальным сопротивлением в виде конструирования новых нарративов.

Возвращаясь к анализу феномена текста, стоит еще раз заострить внимание на его нарративном и перформативном аспектах, обладающих более скоротечной темпоральностью, чем обыкновенно представляемые нами ментальные константы или же политические структуры. Эти черты интерпретируются Р. Бартом следующим образом: «Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику

⁵⁴ Там же. С. 87, 94.

⁵⁵ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. Сост., вступ. Статья и коммент. Б.Н. Тарасова. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1989. С. 44.

⁵⁶ Одоевский В. Русские ночи. // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков/Составитель Н.Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос", 1997. С. 97.

означающих, а не структуру означаемых...»⁵⁷. Подобное понимание структуры текста, как практически безграничного пространства артикуляций, может означать как ее сверхдолговременную, так локальную модальности. Таким образом, можно говорить о том, что текст отражает в себе как большую длительность, так и прерывное историческое время: «Большая длительность, конъюнктура, событие пригоняются к друг другу без труда, поскольку все они измеряются в соответствии с одной и той же шкалой. Таким образом, имея в виду какой-то из видов времени, мы имеем в виду все остальные»⁵⁸. Текст, как устойчивая, но в то же время рассеивающая структура, репрезентирует акты установления новых типов рациональности/субъективности в контексте глобального интеллектуального проекта.

⁵⁷ Подорога В. Текст против Произведения. Ролан Барт — читатель . *Барт Р. S/Z* / Пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 1994 // Новое литературное обозрение. No. 159 НЛО (5/2019). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/ (дата обращения: 31.05.2020).

⁵⁸ Бродель Ф. Очерки истории. С. 83.

Заключение

Данная работа представляет собой попытку определения, выявления феноменов колониализма и как следствие ориентализма в отечественном социокультурном пространстве. Эмпирическими методами данной работы являются анализ различных политических, интеллектуальных практик позволяет выяснить как глубинные, так событийные рамки того или иного дискурса, рассматриваемые как относительно долговременных цивилизационных структур, так и конкретных, прерывных форм субъективности.

Анализ текстов, высказываний русских интеллектуалов имперского периода позволяет рассмотреть множество различных практик субъективности, ставящих под сомнение как общий имперский прогрессистский нарратив, так и иные ментальные наррации. Позволяя тем самым, показать в наиболее концентрированном виде контакты субъектов между собой, с угнетенными и экзотизированными группами населения.

Подобные исследования в большей степени могут расширить наши знания о способах функционирования власти и процессах формирования знания, что в свою очередь может послужить основой для исследования как иных социальных практик, так и для артикулирования новых форм сопротивления современному феномену власти с его аспектами дисциплинарности и тотальности в своих проявлениях.

Список использованной литературы

Монографии, первоисточники, научная литература:

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Пер. Завена Баблюяна Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. - 2002. С. 168.
2. Батлер Дж. «Совесть сотворяет субъектов из всех нас». Подчинение у Алютюссера. Психика власти: теории субъекции. Пер. Завена Баблюяна Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. - 2002. С. 168.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 132. С. 416.
4. Белый А. Петербург. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 448.
5. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С.224.
6. Бродель Ф. Очерки истории/ Пер. с фр. Э. Орловой. — 3-е изд. — М.: Академический проект, 2018. С. 223.
7. Вересаев В. В. Живая жизнь //Собр. соч. М.: Правда, 1961. Т. 3. С. 290.
8. Ключевский В.О. Два Воспитания // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков/Составитель Н.Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос", 1997. С. 752.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. М. 1956.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
11. Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 416.
12. Мережковский Д.С. Больная Россия. — М.: T8RUGRAM, 2018. С. 134.
13. Непомнящий В.С. «Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине». М.: Сов. Писатель, 1983.

14. Одоевский В. Русские ночи. // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков/Составитель Н.Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос", 1997. С. 752.
15. Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Д.И. Писарев соч. в 4 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. Статьи и рецензии 1859-1862.
16. Пушкин А.С. Евгений Онегин. — М.: Издательство «Э», 2017. С. 384.
17. Саид Э. Ориентализм. Спб.: Русский миръ, 2005. С. 639.
18. Сергеев С. Досоветская Россия (XVIII — начало XX века) // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. Под общей редакцией: В.А. Куренной. — С. 368.
19. Скатов Н. «Пушкин. Очерк жизни и творчества». Л.: Дет.лит., 1990.
20. Фуко М. Субъект и власть. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3. С. 320.
21. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 416.
22. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., «Прогресс», 1977.
23. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 416.
24. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1989. С. 623.
25. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 448.

Иностранные источники:

1. Pratt, M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. New York. Routledge, 1992. P. 275.

Ресурсы Интернет:

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения 30.05.2020).
2. Е. Анисимов. Культурные реформы Петра Великого // История русской культуры. Петербургский период. URL: <https://arzamas.academy/materials/1497> (дата обращения: 31.05.2020)
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения 31.05.2020)
4. Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве. URL: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html> (дата обращения: 31.05.2020).
5. Подорога В. Текст против Произведения. Ролан Барт — читатель . Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г.К. Косикова. М., 1994 // Новое литературное обозрение. No. 159 НЛО (5/2019). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/ (дата обращения: 31.05.2020).
6. Тургенев И.С. «Накануне. Отцы и дети». М.: Изд. Художественная литература. 1979. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0040.shtml (дата обращения: 31.05.2020).
7. Тургенев И.С. «Накануне. Отцы и дети». М.: Изд. Художественная литература. 1979. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0040.shtml (дата обращения: 31.05.2020).

8. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Составитель и переводчик: С. В. Табачникова. — М., 1996. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 09.04.2007.
URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 30.05.2020).

